

— Вообще я очень счастливый человек в своей литературной судьбе, потому что, ну, это, может быть, шутка, а может, в ней есть резон, как во всякой шутке, — потому что всю жизнь, сколько себя помню, я всегда делал то, что доставляло мне наслаждение, — так говорил во время прошлой нашей «беседы за рабочим столом» три года назад Булат Окуджава,

на это имелись веские основания: роман «Бедный Авросимов», следом «Похождения Шипова...», автобиографические рассказы, потом роман «Путешествие дилетантов».

— Я очень страдал от того, что стихи не писались, — рассказывает Булат Шалвович. — Меня мучило, что приглашают выступать, а песни старые. И хотя публика была великодушна и доброжелательна, я

от разлун не зарекаюсь и фортуна не кляну... Но на мягкое плечо, на вечернее, на ваше, если вы не возражаете, я голову склоню.

Вот такое, например, стихотворение, ставшее песней.

Написал снова стихи об Арбате, который всегда являлся для меня олицетворением Москвы, Родины. Тема Арбата меня очень волнует. Хочется, чтобы он не потерял со вре-

Европе, дошел до Парижа, вернулся домой, прикинул к декабристам, но потом порвал с ними и занялся своей личной жизнью. Узнав о событиях на Сенатской площади, о том, что его бывшие друзья арестованы, он покончил с собой. Это подлинная история. Объяснить все в двух словах невозможно, да и не нужно. За самоубийством скрывается много причин, о всех не расскажешь, но одна из них — слишком запоздалое раскаяние, когда уже невозможно ничего изменить, ничего исправить...

— Как обычно, главные действующие лица у вас — «маленькие люди»?

— Да, «маленькие», никому неизвестные люди, и мне это важно, мне легко иметь с ними дело. Меня интересует не само по себе историческое событие, а человек в этой исторической ситуации, его поведение, психология, мотивы поступков, что он думает, чувствует, хочет.

— Где разворачивается действие романа?

— В основном в России — Москва, Калужская губерния, Смоленщина. Есть и экскурсии в прошлое, события, происходящие в Германии, Австрии, ну, и в Париже. В этом смысле мне очень много дала поездка во Францию, откуда я вернулся несколько дней назад. Походил и поездил по наполеоновским местам, по местам расположения русских войск. Конечно, есть архивные материалы, много мемуаров, но Париж — музейный город, и старые дома, улицы, площади, аромат прошлого, о котором пишу, — им важно было надыхаться. В Париже был мой вечер, и там готовится сейчас к выпуску новый, несколько необычный диск. Необычный потому, что, кроме меня, в его создании участвуют популярные шансоны Максим Форестье и Серж Реджиани. Я пою (запись уже сделана) семь своих новых песен, а Максим Форестье и Серж Реджиани, в переводе на французский, старые — «Последний троллейбус», «Песню о пехоте», «Молитву Франсуа Вийона» и другие. Перевод песен — очень сложная, кропотливая работа, ведь должно быть обязательное ритмическое попадание, иначе — как же петь? Готовят диск французы совместно с нашей фирмой «Мелодия».

И все-таки пластинки, как и сочинение песен для кино, сегодня для меня не главное. Главное: «Избранное» и роман, о них — забота.

Беседу вела
Ирина РИШИНА

Булат ОКУДЖАВА

И СТИХИ, И ПРОЗА...

а я, слушая его, думала: счастлив должен быть художник, о сочинениях которого говорят «Песни Булата Окуджавы» и ничего к этому больше не добавляют, потому что никаких эпитетов, разъяснений не требуется, этим сказано все — это знак благородства, доброты, знак великого дара понимать и прощать другого, быть «часовым любви» к людям, к жизни.

Но — банальная истина — у каждого счастливого в своем деле человека случаются несчастные дни, и хорошо еще, если дни, а то, бывает, и месяцы, и даже годы. Ведь это «Ленька Королев», как рассказывает Окуджава, появился на свет чуть ли не за десять минут: записал вдруг пришедшие «готовые» стихи и тут же под гитару начал петь их. Или «По Смоленской дороге» — в готовую мелодию вросли строки, сочиненные в машине, когда ехал однажды по командировке «Литгазеты» зимней Смоленской дорогой. А обычно — обычно каждое стихотворение — изнурительный труд, будничная тяжелая работа, долгий процесс обдумывания, вынашивания, переделки, доделки. Но в этих буднях — праздник, в сложном процессе — счастье рождения стиха, песни. Несчастные для художника дни, когда не пишется, когда он мается от неработы. «Хочется писать стихи, — признавался поэт, — а получается мало: одно-два стихотворения в год...» Это сказано было в 1976 году, когда вышла маленькая книжечка «Арбат, мой Арбат», и с той поры больше поэтических сборников не появлялось. Об Окуджаве стали говорить как о прозаике —

понимал, что... Но как ни пытался себя растравить, стихи не шли. И вдруг в декабре прошлого года в больнице написал стихотворение, второе, третье, десятое... Я почувствовал в себе новое рождение того старого поэтического начала. Это было большим праздником для меня. Теперь наиболее удачные, на мой взгляд, новые стихи вместе с лучшими из старых включены в «Избранное». Оно должно увидеть свет в издательстве «Советский писатель».

Среди новых есть стихи и шуточные, и ироничные, и печальные, стихи-размышления о жизни. Ведь прожито немало, и немало было горького, сложного. Тут и война, послевоенное время, да и сейчас «покой нам только снится». В этом, наверное, и заключается жизнь, потому что не дай бог ощутить, что ты достиг всего, что тебя ничто не тревожит, — тогда остановишься...

Всему временно свое:
лишь дождю,
земле вращаться,
знать, где первое
прозрение, где
последняя черта...
Началась вдруг война —
не успели попрощаться,
адресами обменяться,
не успели ни черта.

Как встречались мы потом?
Где нам выпала прописка?
Где сходились наши души,
воротиться с передовых?
На поверхности ль земли?
Под пятой ли обелиска?
В гастрономе ли арбатском?
В облаках ли грозových?

Всяк неправедный урок
впрон затвержен
и заучен,
ибо праведных уроков
не бывает. Прах и тлен.
Руку на сердце кладя,
разве был я невезучим?
А вот надо ж, сердце
стынет в ожиданье
перемен.
Гордых гимнов, видит Бог,
я не пел окопной наше.

менем свое лицо, чтобы не был утрачен дух Арбата. В стихотворении есть строки:

Арбатство, растворенное
в крови,
Неистребимо,
как сама природа.

Мне очень нравится это слово «арбатство», которое придумал не я, а старшеклассники одной московской школы. Для них это символ любви к Москве, ее традициям, символ товарищества. По-моему, прекрасное, емкое слово. Я его использовал, в стихотворении (теперь оно уже стало романсом) посвятил этим ребятам.

— Означает ли возвращение к стихам, песням, что вы отошли от прозы?

— В прошлый раз я, кажется, рассказывал, что задумал новый исторический роман. Работал над ним все время очень активно, упоенно и закончил половину. Сейчас на очереди вторая, она сложнее, все завязавшиеся узлы надо развязать. Роман называется «Свидание с Бонапартом», но Наполеон там почти не фигурирует. Смысл названия иной — подразумевается свидание с эпохой бонапартовских войн, с эпохой французской революции, то есть влияние этого времени на общественную мысль, на прогрессивное русское дворянство.

Роман состоит из четырех частей, мемуаров четырех разных людей, связанных между собой, рассказывающих о разных событиях, которые происходили в одно время. Все это объединено одним героем. Он сам мемуары не пишет, но именно он главное лицо произведений. Молодой русский дворянин, образованный, воевал с Наполеоном, прошагал по